

УРОКИ ЖИЗНИ И МАСТЕРСТВА РЕГИМАНТАСА АДОМАЙТИСА

В 2012 году актеру театра и кино Регимантасу Адомайтису исполнилось 75 лет. В советских, российских и литовских кинолентах он создал несколько десятков запоминающихся образов. Культовый фильм Витаутаса Жалакявичюса «Никто не хотел умирать», в котором Адомайтис сыграл Донатаса, младшего из братьев Локисов, решивших мстить за отца, открыл зрителям целую плеяду великолепных литовских актеров, таких как Юозас Будрайтис, Донатас Банионис, Лаймонас Нореика, принес им всеобщую известность.

В Литве Адомайтис – корифей национального театра. Сыгранная им роль короля Миндаугаса в одноименной драме Юстинаса Марцинкявичюса вошла в золотой фонд литовского театра. Символично, что в нынешнем году в День государства, приуроченный к дате коронации единственного литовского короля и отмечающийся как один из главных национальных праздников, Регимантас Адомайтис был награжден Крестом Командора ордена «За заслуги перед Литвой».

Это его вторая высокая государственная награда. В 1997 году актер был награжден орденом Гядиминаса III степени. Но за торжественным фасадом скрыта другая жизнь актера, где не слышно оваций, поздравительных речей и где человек остается один на один с собой. И в этой жизни, увы, мало света.

Адомайтис чувствовал себя неважно, и мы договорились о встрече у него дома. На мой зво-

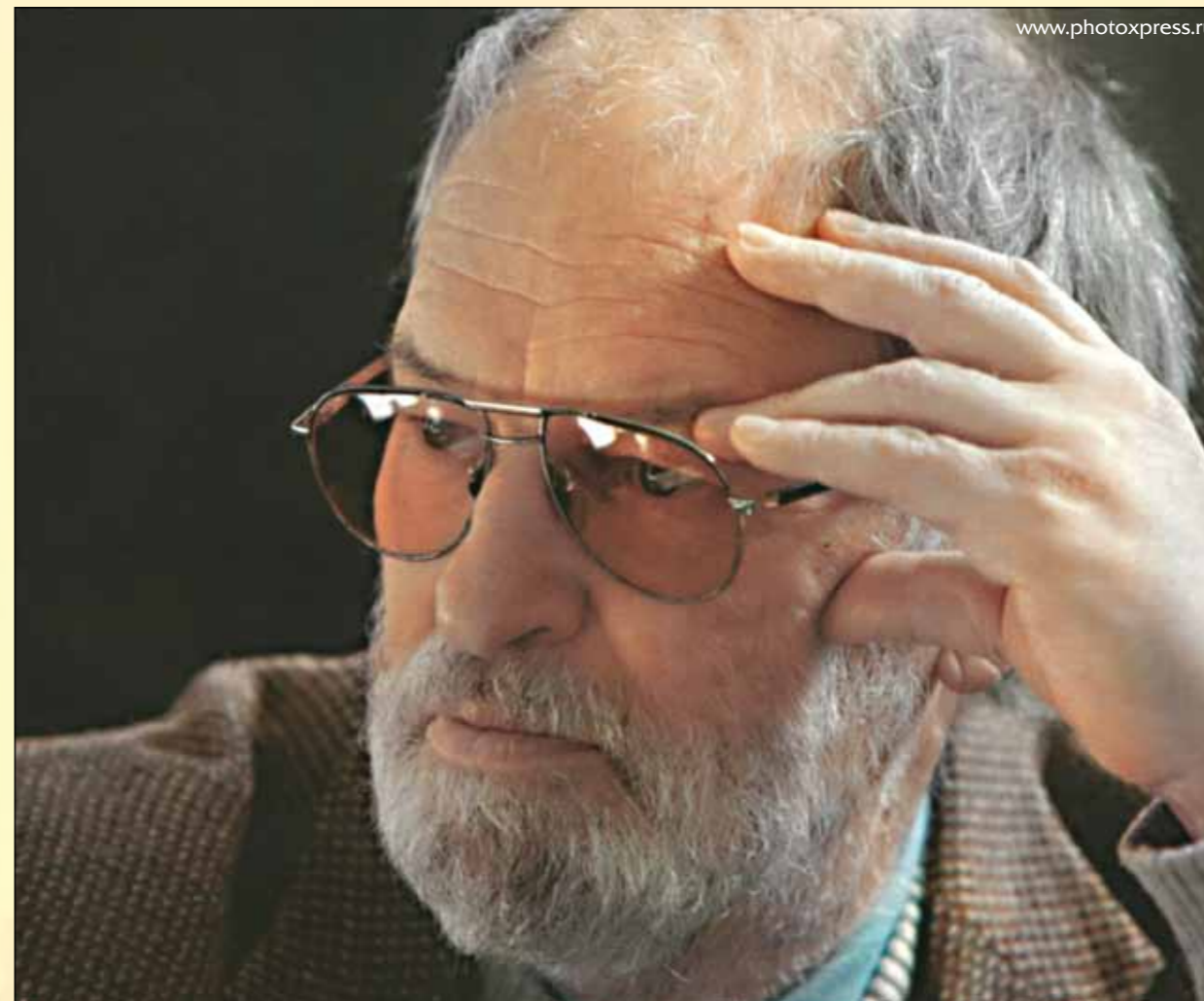
нок открылась входная дверь, и мне под ноги кубарем выкатилось лохматое серо-коричневое существо. За ним следовал хозяин в накиннутом поверх одежды халате.

– Это – Дука, мой верный пес, – представил шерстяной клубок Регимантас. – Вы заходите в квартиру, а я подберу последствия его прогулки.

На мое желание помочь маэстро в этом неблагородном деле Адомайтис ответил решительным «Ни-за-что!» и скрылся с совком и полиэтиленовым пакетом, оставив меня в одиночестве рассматривать его апартаменты. Я знала, что год назад скончалась его жена Эугения, с которой актер прожил в браке более 42 лет, но не могла себе представить, как сиротливо может выглядеть квартира без хозяйки. Казалось, всё в ней говорило о том, что в этом семейном очаге нет женщины, поддерживающей огонь. В гостиной портрет Эугении на журнальном столике с укором взирал на царящий вокруг беспорядок, на груды фотографий, небрежно сваленных в углу рядом с диваном....

Вскоре вернулся хозяин со своим лохматым другом и, извиняясь за холод в помещениях, начал прилаживать старенький обогреватель, который нашими совместными усилиями удалось, наконец, через переключатель присоединить к розетке. После короткого спора, на кого направить волну тепла, вопрос был решен в пользу Дуки, растянувшейся на полу рядом с радиатором.

– Я только что из Висагинаса приехал, – словно извинился Адомайтис, – где был, видимо, исключительно для того, чтобы простудиться. Там уже седьмой год проходит фестиваль моноспектаклей, а меня во второй раз пригласили в жюри. В зале, где проходил фестиваль, было еще холоднее, чем у меня. Вот и результат.

www.photoxpress.ru

Вы не могли отказаться?

Как можно? Я очень люблю моноспектакли. Если актеры берутся за такое, значит, выбирают именно свою тему. Говорят о том, что им дорого и близко. Сам я не ставил моноспектаклей, чаще всего выступал в диалогах, но прекрасно понимаю, сколько сил и души отдают актеры в таких представлениях, как обнажают душу. Сразу видно, что каждый исполнитель из себя представляет, чем живет. Это очень тяжело и опасно – раскрываться полностью.

Но ведь в этом и состоит ремесло актера. Вы сами выбрали эту стезю?

Вначале я выбрал другую профессию. Учился в Вильнюсском университете на физмате, а после четвертого курса понял, что это не мой путь, и поступил в Консерваторию на актерский факультет. Это, правда, мне не помешало окончить университет и получить диплом физика. Больше того.

Думаю, я все равно остался физиком в подходе к ролям. Меня всегда больше интересовал процесс познания персонажа, человека, а не конечный результат. Сотворение роли – это инструмент, исследующий душевное состояние героя, а психо-

Очень люблю моноспектакли. Если актеры берутся за такое, значит, выбирают именно свою тему. Говорят о том, что им дорого и близко.

логический анализ позволяет создать характер, подчеркивающий его особенности. Вы не поверите, но конечный результат мне мало интересен. Важен сам процесс копания в человеческой душе.

Однако зрители оценивают именно результат. И дают ему высокую оценку. Вам приятно восхищение поклонников на всем постсоветском пространстве?

Наверное, судьба меня баловала, и за это сегодня приходится платить. Я, конечно, доволен,

как сложилась моя жизнь, хотя полагаю, что незаслуженно получал высокие оценки своей работы. Я не талантливый, я – трудоспособный.

Кто Вам такое сказал?

Я сам так считаю. Я всегда очень много работал, и если удавалось в кино что-то особенное, то потому, что попадал в руки к таким режиссерам, как Жалакявичюс,

Козинцев, Грикявичюс. Зрители судят по результатам, а результаты не всегда соответствуют рабочим затратам. К тому же

очень сложно понять механизм успеха. Почему один фильм или актер вдруг становятся в одночасье известными, а другие так и не получают заслуженной славы. Когда мне говорят, что меня очень любят в России, я никак не могу понять причины своей популярности. Такой славы, чтобы «Ах!», у меня никогда не было. К тому же я всегда предпочитал театр и, несмотря на многочисленные съемки, никогда не пропускал ни одного сезона в театре. Я понимаю, например, как стал звездой Олег Стриженов после фильма «Овод», но мои герои не были столь яркими, и узнаваемость (не говорю о славе) приходила ко мне постепенно.

В советском кинематографе Вы сыграли много иностранцев, западных интеллигентов или разведчиков. Только внешность «не нашего человека» была тому причиной?

Не знаю, почему мне предлагали роли в основном американцев. Откровенно говоря, я ничего о них не знал, хотя много читал и любил американскую литературу. Моим любимым писателем был Ирвин Шоу. Чего-то, видимо, волей-неволей набрался. А на самом деле, ну какими мы, литовские актеры, были иностранцами? Все мы были, как и всё общество, зажатые и закомплексованными. Может быть, мое увлечение американской литературой как-то сказалось и оказало влияние не только на поведение, но и на внешний облик. Вот и весь секрет.

Вы поддерживаете дружеские отношения с российскими актерами, с которыми Вас свела судьба?

Вообще-то кинематограф сводит людей лишь на некоторое время, а потом мы разъезжались, и кто знал, увидимся или не увидимся. После

съемок фильма «Трест, который лопнул» я очень сдружился с Караченцовым. Навещал его после той страшной аварии. Но с ним сейчас трудно общаться без переводчицы, его супруги. До сих пор сохранил очень теплые отношения с Вячеславом Винником, режиссером и актером Киевской киностудии, у которого снимался в фильме «Прекрасный миг победы». Он сейчас живет в Канаде, мечтает снять фильм со мной, прислал сценарий. Но мы оба прекрасно понимаем, что найти

там спонсора для киноленты гораздо труднее, чем на нашем континенте...

А сегодня Вас узнают в Литве, в Москве, Петербурге, где Вы выходите на сцену?

Вообще-то в Москве меня узнают в компании с Банионисом. Шучу, конечно. Раньше узнавали и просили автографы в Литве. А сейчас, когда я отрастил бороду, меня перестали узнавать даже в Вильнюсе. Впрочем, я из-за этого не переживаю. А бороду не хочу сбривать, потому что именно в таком виде надеюсь сняться в новом фильме, куда получил приглашение. Только не спрашивайте в каком. Боюсь сглазить. Роль очень интересная, хотя и небольшая.

Я видела Вас в роли Казановы в театре «Домино» и еще раз убедилась, насколько высоко профессиональное мастерство актеров старой гвардии. Слава Богу, в наше время непрерывных перформансов на сцене актеры такого уровня еще востребованы?

Этот спектакль и себя в нем я как раз не люблю. Мне гораздо ближе по духу «Чайка» в петербургском театре «Балтийский дом», где я играю Дрона. Хотя это уже утомительно в моем возрасте раз в месяц отправляться на поезде в Петербург,

чтобы сыграть своего героя, но я всегда радуюсь появлению на этой сцене, реакции зрителей. Мне кажется, что российские зрители необыкновенно чутки и отзывчивы, будто слышишь дыхание зала, и оно тебя поддерживает, придает силы. Каждый раз при выходе на сцену меня охватывает дрожь, поднимается температура и учащенно бьется сердце. Однако именно такое состояние мне позволяет играть. Навер-

ное, я до седых волос остался романтиком, болен такой несвременной болезнью.

Мне также очень дорог спектакль «Последние месяцы», поставленный Римасом Туминасом, ныне режиссером Вахтанговского театра, в Малом театре Вильнюса. Он с успехом идет в литовской столице уже пять лет. Это пьеса итальянского драматурга Фурио Бордона, где я играю главную роль, роль Отца, которого сын отправляет в дом престарелых. Эта пьеса и о проблемах взаимопонимания между отцами и детьми, и о том, что жизнь сама по себе чудо, о тех силах, которые поддерживают и питают человеческую душу. Откровенно говоря, эта пьеса и обо мне, о моей судьбе. Иногда мне хочется просто выйти и говорить от своего имени, но я понимаю: на сцене невозможно не играть. Театр требует осмысления образа, он требует смещения реальности, взгляда со стороны. Всякий раз, выходя на сцену, очень волнуюсь, что забуду слова, сделаю что-то не так. Но потом, руководствуюсь пословицей «Солдат идет, сколько может. А потом идет, сколько надо» и делаю шаг на-

встречу зрителям. Мне в актерской профессии нравится то, что в ней нет претензий на бессмертие. Сегодня на тебя снизошло озарение, и ты сыграл так, что у зрительного зала перехватило дыхание. Очень может быть, что больше это не повторится, хотя спектакль продолжает идти. Но вот ради этого

мгновения стоит жить и стараться. К сожалению, со смертью жены искра во мне погасла, и я всё жду и надеюсь: вдруг загорится? Может, это слишком пессимистично... Хотя я прекрасно понимаю, что жизнь идет, вода течёт и её не удержать. Так заведено.

Кто из режиссеров Вам наиболее близок по духу?

Своим любимым режиссером и учителем считаю Генрикаса Ванцявичюса, который сейчас ушел из театра, может, по состоянию здоровья, а может, по другим причинам. Он был настоящим «актерским»

Если мне удавалось в кино что-то особенное, то потому, что попадал в руки к таким режиссерам, как Жалакявичюс, Козинцев, Грикявичюс.

режиссером, разбирал персонаж по косточкам. Сегодня его школа не в моде, но для меня школа реалистического, психологического театра, школа МХАТа остается основополагающей в театре.

Конечно, я признаю талант современных режиссеров, например, Оскараса Коршуноваса, но это не моё. Из кинорежиссеров, кроме Жалакявичюса, я не могу не вспомнить добрым словом Григория Козинцева. Помню, как на съемках «Короля Лира» он объяснил мне характер моего героя, бастарда Эдмонда, которого злодеем сделали обстоятельства. По мнению режиссера, этот незаконнорожденный был типичным героем эпохи Возрождения, он бросал вызов небу и власти,

доказывая свое право быть среди вершителей судеб людей. У Козинцева был проект новой ленты, он очень хотел, чтобы я в ней снялся, но, к сожалению, ранняя смерть оборвала его планы.

Из современных театральных режиссеров мне наиболее близок Римас Туминас. Он сейчас руководит московским театром имени Вахтангова. Хотя его упрекают в пренебрежении к традициям, я смотрел пьесу, где были заняты вахтанговские старики, и это был потрясающий спектакль. О литовских кинематографистах вообще говорить не приходится. Я как раз, возвращаясь из Висагины, проезжал мимо бывшей киностудии, от нее остались лишь руины. О каких традициях и новых школах мы можем говорить?

У Вас есть любимые роли?

В основном – это театральные. Одно время я жил в невероятном напряжении: играл в театре каждый сезон и одновременно снимался в кино. Однако сейчас могу признаться, что ролей, где я мог сказать что-то свое очень важное, не так и много было. Конечно, Донатас в ленте Жалакявичюса, король Миндаугас... Пожалуй, самой значимой стала для меня роль Франца в пьесе Сартра «Отшельники Альтоны», поставленной в Вильнюсском театре драмы Ванцявичюсом. Только при работе над этой ролью я стал кое-что понимать. Узнал, как надо изучать, препарировать своего героя, чтобы создать живой образ. В этой работе я дошел до полного изнеможения. А позже уже не мог позволить себе расслабляться.

Поэтому Вы решили написать книгу об актерском мастерстве?

Вообще-то друзья спровоцировали меня написать эту книгу. Я очень долго вел дневник и, пересмотрев свои записи, решил кое-что из них опубликовать. Думал, может, пригодится молодым начинающим актерам мой опыт. Так появилась книга «Заметки на полях сцены». Кажется, она не вызвала особого интереса... Ведь это не мемуары. Актерские мемуары не читаю из принципа, мне они неприятны. Ведь актер по натуре эгоист, он живет на сцене напоказ. Это нормально для актеров – иначе они бы не шли на сцену. Но вот еще и описывать свой эгоизм в мемуарах, это, на мой взгляд, ненормально. А в том, что я писал, что обдумывал за долгие годы, я в последнее время стал сомневаться. Должен ли актер работать до изнеможения, сгорать и завораживать зрителя, когда сегодня достаточно проскакать голышом по сцене и прославиться? После смерти жены я перестал вести дневник.

Вы вырастили с женой троих сыновей. Кто-нибудь выбрал профессию родителей? Ведь Ваша супруга тоже была актрисой?

Все они уже взрослые, сложившиеся люди, и каждый идет своей дорогой. Самый старший, Витаутас, учился в США, окончил университет в Чикаго. У меня не было средств на его обучение. Слава Богу, один мой друг в Америке поручился за парня, и тот смог взять кредит. После окончания учебы он год работал на бирже, вернул кредит.

Я был на гастролях в Канаде и специально ходил посмотреть, как работает биржа. Это настоящий кошмар для тех, кто в таком аду варится. Очень рад, что Витаутас с семьей, а у него четверо детей, вернулся в Литву, работает сейчас в одной зарубежной компании. Они живут недалеко, и мы часто навещаем друг друга.

Средний, Гядиминас, окончил театральный вуз. Но большой карьеры не сделал. Сейчас он живет в Англии, снимается иногда в небольших ролях у российских и белорусских кинематографистов. А в основном зарабатывает на жизнь чем придется, как и большинство литовской молодежи, отправившейся искать счастья за рубеж. Младший, Миндаугас, живет со мной. Он очень славный мальчик, и мы с ним отлично ладим. Занимается ремонтом автомашин. Он очень занят, приходит поздно вечером. Когда не стало Эугении, я в доме за кашевара, учусь на старости лет готовить. Прослышав об этом, мои знакомые или незнакомые почитатели, по большей части женщины, стали присылать мне пачками рецепты простых блюд. Так что теперь беру еще и кулинарные уроки.

Знаю, что Вы очень много времени проводите в своей усадьбе в Моветском районе. Эта работа помогает справиться с грустными думами?

Раньше я действительно очень много копался в земле, занимался яблонями, столярничал, разводил пчел. А сейчас просто езжу отдохнуть и ничего не делаю. Хозяйничает в основном мой младший сын.

Помнится, одно время Вы увлекались политикой?

Никогда не увлекался. Никаких политических амбиций никогда не имел и не имею, просто иногда сама жизнь втягивала в водоворот событий. Когда в СССР началась перестройка, а в Литве эти ветры перемен еще не чувствовались, меня выбрали, и я согласился войти в инициативную группу движения «Саюдис». Нас всех выбрали тогда депутатами в Верховный Совет СССР, где мы

пытались донести до Горбачева, до всех депутатов съезда мысли о необходимости изменения существующих порядков, о праве людей на свободу мысли, самовыражения. Это был последний съезд страны, которой вскоре не стало. Позднее, когда проходили выборы в литовский парламент, я попросил не выдвигать мою кандидатуру. Почему?

Я считаю себя рядовым гражданином. По моему глубокому убеждению, те, кто хотят управлять страной, должны изучить хотя бы одну область деятельности и вносить разумные предложения. Строить – это не ломать. Здесь одного интеллекта мало. Я мог сказать, что не так, однако не мог предложить решение.

Вообще-то наши актеры и шоумены, гораздо менее даровитые, чем Вы, на предыдущих выборах триумфально прошли в сейм...

Ну и с треском провалились. Когда в сейм идут люди из творческих кругов, я понимаю, какие амбиции ими движут. Но чтобы реально вариться в этом котле и генерировать идеи, нужны люди другого склада, как мне кажется. Именно потому, что многие сегодня рвутся во власть из корыстных интересов и при этом абсолютно уверены, что могут и имеют право управлять страной, у нас так девальвировались понятия политика и политики. Политик – это тоже профессия, которая требует не только знаний и красноречия, но и определенного набора моральных качеств.

Вы прожили красивую творческую жизнь, вырастили сыновей, подрастают внуки. Разве это не повод для радости?

Сегодня мне кажется, что лучшее, что было у меня в жизни, это Эугения. Раньше казалось, что театр – это для меня всё, в нем смысл и оправдание моей жизни. Ради него я готов был жертвовать всем. А сейчас понимаю, как был несправедлив и невнимателен к самому близкому человеку.

Помню, как несколько лет назад, получив премию «Серебряный журавль» за успешную работу в кинематографе, я принес домой эту птицу и похвастался перед женой. Она посмотрела на меня

как-то особенно и сказала: «Это не ты ее получил. Это мы ее получили». Она была стопроцентно права. Всё, что я в этой жизни достиг и сделал хорошо, это только благодаря ей. Поняв это, пусть и с опозданием, я стыжусь своего эгоизма, тщеславия. Хотя я никогда не гнался за почестями. Видите эти фотографии в углу? Я ведь их никогда не собирал, люди приносили. Конечно, иногда бывало приятно их пересматривать, но для меня это страницы прошлого, которые уже перевернуты. Я никогда не жил прошлым. Что касается обретения радости в детях, то, наверное, это больше свойственно женщинам. Они умеют растворяться в других. Я так не умею...

...На этой грустной ноте случилось чудо: в комнату через приоткрытую балконную дверь влетела бабочка. Большая фиолетовая бабочка, неожиданный привет из ушедшего лета. Мы наблюдали за ней, решая, где ей лучше: под дождем за окном, или в комнате. Она сама решила, как быть и,

отогревшись, быстро упорхнула на волю.

Регимантас Адомайтис вдруг улыбнулся и произнес: «Мы с детства знаем, что мы смертны. Значит ли это, что жизни нет и надо торопиться умирать? Пока птицы щебечут, прилетают бабочки в дом, нужно всему этому радоваться и не сосредотачиваться на болезнях, старческих недугах. Ведь так?».

Несколько правил, выработанных для актеров (впрочем, не только) Регимантасом Адомайтисом:

1. Учиться радоваться каждой мелочи.
2. Не проходить мимо событий, волнующих других.
3. Всегда честно высказывать свое мнение, не оставлять его при себе.
4. Не изображать из себя более умного и осведомленного, чем ты есть на самом деле.
5. Выходить с улыбкой из самых тяжелых ситуаций.
6. Никогда не говорить за глаза то, что не можешь сказать человеку прямо.

Галина Афанасьева,
специально для «Янтарного моста»